

Вы — отражение вашего характера

Преодолев на плотах почти две тысячи миль к западу, мы с Питом попали к японцам (Мак умер на тридцать третий день, и мы предали его тело воде), которые то и дело переправляли нас из одного лагеря для военнопленных в другой. Я провел год в Офуне близ Йокогамы, где секретные службы проводили допросы узников, а затем меня перевезли в тюрьму Омори, расположенную на искусственном острове в Токийском заливе. Там меня постоянно избивали, хотя я не делал ничего плохого.

Мои неприятности начались в первый же день, когда Мацухиро Ватанабэ, жестокий тюремный охранник по прозвищу Птица — прозвище было довольно безобидным, так как все боялись, что в случае, если мы назовем его оскорбительно или насмешливо и он как-то об это проведает, то никто не спрячется от его гнева, — выделил меня из общей массы.

Помню, мы вытянулись по струнке, и тут появился он, напыщенный от осознания своего превосходства, словно он сам Господь Бог. Ватанабэ прохаживался перед нами, глядя на нас сверху вниз и останавливаясь перед каждым пленным. Дошла очередь и до меня. У него были черные, злобные глаза садиста. Я отвел взгляд. Хрясь!

Он сбил меня с ног. Вероятно, если кто-то отводил взгляд, его наказывали.

«Почему ты не смотреть мне в глаза?» На этот раз я посмотрел. Проблема заключалась в том, что он бил в любом случае. Я повалился на землю, истекая кровью. Он вытащил платок, как если бы сожалел о случившемся, наклонился и протянул его мне. Я подумал: «О, не такой уж он подонок». Промокнув кровью, потекшую у меня из головы, я поднялся на ноги. Хлобысть! Он снова меня ударил. Я опять рухнул, и на этот раз у меня уже не осталось никаких сомнений в том, что передо мной психопат — и, что самое ужасное, я находился полностью в его власти.

С того дня и началась моя травля. Я старался становиться позади всех на построении, но он всегда находил меня. Иногда он приходил в наш барак с двумя охранниками и просил всеобщего внимания. Окинув взором помещение, он обычно направлялся прямо ко мне. «Ты последним среагировал на мое появление», — говорил он, а затем снимал свой широкий ремень с огромной стальной пряжкой и лупил меня по голове.

Предлог он находил всегда.

Птица, обычный сержант, не мог совладать с оказавшейся у него в руках властью. В лагере было множество пленных более высокого ранга — командиры подводных лодок, полковники, капитаны, лейтенанты — и, должно быть, он чувствовал себя как ребенок в лавке сладостей. Он понимал, что может отдавать нам приказы, и счел это своей обязанностью. Если мы медлили с исполнением приказа, то были биты. Он даже не утруждал себя объяснением. Мне от него крепко доставалось, но другим заключенным порой приходилось еще хуже. Все мы были затравлены до покорности.

Стоило Птице оскорбить меня, как я тут же закипал, ведь во мне течет итальянская кровь. Конечно, я и виду не подавал, но мое сердце, в которое он не мог заглянуть, было переполнено ненавистью. Я жаждал мести. И дело было не в боли, а в том унижении, которому он меня подвергал. Кому понравится, когда его унижают?

Вы чувствуете себя ничтожеством. У меня за плечами было крушение самолета, и так легко я бы не сдался; я ненавидел Птицу гораздо сильнее, чем акулу. Я бы никогда не сказал: «Ну, акулы ведь были просто голодны» или «О, да ведь Птица всего лишь выполняет свою работу». Нет. Что бы вам ни угрожало, если оно пытается вас убить, это ваш кровный враг.

Однажды, вместо того чтобы, как обычно, бить меня, Птица спросил, не хочу ли я вести передачу на токийском радио. Меня его предложение очень удивило. Я не имел желания участвовать в том, что можно было бы считать изменой родине или противоречило моральным принципам. С другой стороны, благодаря передаче у меня появлялся шанс сообщить родным, что я жив (Омори был засекреченным лагерем, и никто дома не знал о том, что со мной произошло; мои родные предполагали худшее). Я поговорил со старшими офицерами, чтобы выяснить, в чем суть дела. Меня шокировало то, что никто не возражал против того, чтоб я согласился на предложение японца. Как выяснилось, и другие заключенные этим занимались: они использовали возможность отправлять домой скрытые сообщения, несколько не компрометируя себя. Тогда у меня возник план.

Я сообщил Птице, что согласен. Двое сотрудников токийского радио (так они представились, хотя, вероятно, это были агенты разведки) попросили меня написать собственную речь.

Меня привезли на радиостанцию 18 ноября 1944 года и провели экскурсию по всей территории. Радио располагалось в красивом новом здании. Я даже пообедал в их кафетерии, устроенном на американский манер.

Они показали мне комнаты, похожие на гостиничные номера, где на кроватях было постельное белье, что производило сильное впечатление на фоне той широкой, гладко оструганной доски, на которой я спал в Омори. Настоящее искушение.

Я выступил в эфире с речью и даже умудрился вскользь сообщить о других солдатах, которым тоже удалось выжить. В течение долгих месяцев я и понятия не имел об эффекте, произведенном моим

выступлением, а ведь оно неизмеримо обрадовало моих друзей и родных. Кажется, к тому моменту мои родители уже получили письмо от президента Рузвельта с сообщением о моей смерти. Поэтому их радости не было предела, когда они узнали, что слухи о моей гибели оказались, мягко говоря, преувеличенными.

Две недели спустя двое «сотрудников» токийского радио снова привезли меня на станцию. Они похвалили мой «красивый радиальный голос», подарили тяжелое зимнее пальто и отвели в кафетерий. Там я познакомился с одним американским и двумя австралийскими солдатами, которые, по словам японцев, тоже делали радиовыпуски и пользовались всеми преимуществами такого сотрудничества.

Все трое пожали мне руку, пряча при этом глаза. Как по мне, это означало: «Послушай, мне очень жаль, что я оказался в этом деле. Мне стыдно. Не делай того же».

Было бы здорово, если бы они сами последовали своему немому совету. Зато теперь я нашел разумное объяснение тому, почему Птица выделял меня из общей массы, одаривая своим жестоким вниманием. Они хотели обработать меня, чтобы сделать пешкой в руках пропагандистов. Почему? Потому что я был не каким-нибудь рядовым солдатом. Я прославился в то время, когда атлеты-победители приравнивались к звездам кино (и с тех пор ничего не изменилось). А если человек влачит жалкое существование и ему вдруг предлагают лучшую жизнь, он, скорее всего, согласится. Те трое солдат, с которыми я познакомился, очевидно, пошли на сотрудничество в обмен на чистую постель и еду.

Если бы мне снова предложили написать сценарий выступления или позволили действовать экспромтом — любой вариант, который бы никак не компрометировал меня и не пахивал предательством родины, — я бы, возможно, согласился опять выступить на радио. Но на этот раз офицеры разведки хотели, чтобы я озвучил то, что писали *они*.

Я прочел несколько предложений. Мерзость. От написанного с души воротило.

— Нет, я не могу это прочитать.

— Но ты должен.

— Нет. Совершенно не похоже, что это написано мной, — возразил я. Думаю, мне следовало выразиться иначе, потому что офицеры решили, что, если отредактировать несколько слов, я сдамся. Но я безапелляционно отклонил их предложение: «Нет. Я абсолютно точно не буду это читать».

Вот текст, который они мне дали, слово в слово:

Что ж, хотите верить, хотите нет... Перед вами один из тех везунчиков, которые... А может, на самом деле не так уж мне и повезло... Как бы то ни было... У микрофона я, Луи Замперини, двадцати семи лет, уроженец Лос-Анджелеса, Калифорния... Старые добрые Соединенные Штаты Америки. Говоря «везунчик», я имею в виду, что я все еще жив и здоров...

Они вышли из комнаты, чтобы посоветоваться. Пока их не было, я запихнул копию этой речи в карман, решив, что они ее не хватятся. Когда они возвратились, один из них сказал: «Раз вы отказываетесь читать это, полагаю, вам придется вернуться в лагерь и ваши наказания продолжатся».

Полагаю? Он что, решил дать мне шанс передумать?

— Нет, я точно не буду это читать, — твердо ответил я. Ведь как офицер я давал клятву, а как американец обещал хранить верность своей стране и защищать ее. Японцы могут как угодно наказывать меня, но они не в силах изменить мой характер. Ведь это все, что у меня оставалось.

Честно говоря, я полагал, что, несмотря на все угрозы, отказ выходить в эфир повторно мог на самом деле сыграть в мою пользу. Если за послушание меня переведут в другой лагерь, я по крайней мере стану недосягаем для Птицы. И в любом случае новая жизнь окажется лучше той, что была у меня на тот момент.

К моему удивлению, Птицу перевели еще раньше, чем меня, — может, его тоже наказали из-за моего отказа сотрудничать. Но пришла и моя очередь: 1 марта 1945 года меня на поезде отправили в Наоэцу, находящийся в 250 милях к северу от Токио.

Вытянувшись по струнке, мы стояли во дворе лагеря 4-B в ожидании инспекции. Земля была покрыта снегом, сугробы вокруг достигали десяти-двенадцати футов в высоту.

Минуты на ледяном ветру казались вечностью. Наконец появился командующий. Им оказался Птица.

В книге «Дьявол, наступающий мне на пятки» я описал этот момент так:

Я стоял, вперив остекленевший взгляд в одного из солдат. Буквально за секунду я потерял всякую надежду. В голове проносились мысли: «Что же они со мной сделали! Все тщетно. Выхода нет. Ниже падать просто некуда. Самая жестокая шутка из возможных. Это поцелуй смерти». Я вдруг подумал, что мне никогда не спастись от Птицы.

Ватанабэ прошелся вдоль наших рядов и увидел меня. Его черные глаза впилась в мои. Смотреть на него было невозможно, равно как и отвести взгляд. Его губы растянулись в полоумной сардонической улыбке. Он, похоже, нисколько не удивился, увидев меня.

Я не мог позволить себе впасть в отчаяние. Это не в моих правилах. Я решил, что сделаю все возможное, чтобы выжить. Начиная с того момента и до самого окончания войны, когда нас наконец освободили, я в полной мере познал смысл фразы «Не отступать и не сдаваться».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

